

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-1-156-162

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «КЛЯТВА» В РУССКОЯЗЫЧНОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Сиразиева З.Н.

*Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации
420081, г. Казань, ул. Николая Ершова, д. 58, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье подробно рассматриваются прагматические и лингвистические особенности текстов речевого жанра «клятва». Автор анализирует такие компоненты конситуации клятвы, как наличие агенса (адресанта) и реципиентов (адресатов, свидетелей (коагентов)), хронотоп. В статье раскрываются алломорфные параметры двух видов клятв: современной светской клятвы (oathsec) и фидеистической клятвы. Исследуя данные виды клятв, автор приходит к выводу, что клятва может актуализироваться и как двунаправленная интеракция, и как трёхсторонняя коммуникация. В статье анализируются этапы подготовки и произнесения клятвы, торжественность обстановки и наличие атрибутов. В результате сопоставления русскоязычных и англоязычных текстов клятв выявлен изоморфизм композиции клятвы как нехудожественного типа текста, включающей три части: вступление, главную часть и заключение.

Ключевые слова: конситуация, агент, коагент, светская клятва, фидеистическая клятва, двунаправленная интеракция, трёхсторонняя коммуникация, композиция.

PRAGMALINGUISTIC ANALYSIS OF THE SPEECH GENRE "OATH" IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUOCULTURES

Z. Sirazieva

*Kazan Cooperative Institute, branch of Russian University of Cooperation
58, Nikolaya Ershova str., Kazan, 420081, Tatarstan Republic, Russian Federation*

Abstract. The article describes pragmatic and linguistic peculiarities of texts of the speech genre "Oath". The author analyzes such components of con-situation of the oath as agent (addresser) and recipients (addressees, witnesses (co-agents)), chronotope. The article investigates allomorph parameters of two types of the oath: modern secular oath (oathsec) and religious oath. Investigating these types of oaths, the author comes to the conclusion that the oath can be described both as a bi-directional interaction, and as a trilateral communication. The paper presents stages of preparation and pronouncing the oath, solemnity of the situation and usage of attributes. The comparative analysis of Russian and English texts of oaths revealed isomorphism of the composition of an oath as a non-fiction type of text comprising three parts: introduction, the main part and conclusion.

Key words: con-situation, agent, co-agent, modern secular oath, religious oath, bi-directional interaction, trilateral communication, composition.

© Сиразиева З.Н., 2016.

Компонентами конситуации клятвы являются агенс (адресант), реципиенты (адресаты, свидетели (коагены)), хронотоп (место и время коммуникации). Очевидно, что указанные компоненты присущи любому типу высказываний и актуализируются в ходе коммуникации [2].

Агенс как лицо, произносящее клятву, актуализируется в зависимости от типа клятвы. Клятва как конвенциональный промиссивный акт невозможна без участия свидетелей, коагенов данного события.

В качестве агенса (адресанта) во всех рассматриваемых институциональных клятвах выступает лицо – вступающий в должность, организацию в зависимости от сферы деятельности (*врач / physician, политик / politician, пионер / scout, учитель / teacher, спортсмен / sportsman, судья / judge, военнообязанный / enlisted, президент / president, адвокат / lawyer*). Современная **светская клятва** есть двунаправленная интеракция, в ходе которой роли коммуникантов, закреплённые социальными конвенциями, строго выполняются: агенс (адресант) произносит записанный ранее (или выученный) текст, а коагены (адресаты), являясь свидетелями, обязаны сохранять молчание. Значимость коагенов при произнесении клятвы подтверждается в течение длительного времени существовавшей в английской правовой системе практикой оправдания обвиняемого, если он, давая клятву, привлекал в качестве свидетелей одиннадцать лиц. Этого количества свидетелей было достаточно для оправдания обвиняемого, произносящего клятву [6]. В западной традиции данный тип клятвы маркируется как *oathsec* [7, с. 83].

Ряд авторов, характеризуя, в частности, **фидеистические клятвы**, пишут о трёхсторонней коммуникации, в которой роли осуществляющего наказание (вторая сторона) и определяющего тип и форму наказания (третья сторона) разводятся. При этом полнота третьей стороны (божества, верховной власти, силы) настолько велика, а конситуация клятвы настолько стандартизирована, что в случае нарушения клятвы виновник наказывается без обращения к третьей стороне, но с её одобрения [7, с. 83–84]. В данном случае обращение к третьей стороне рассматривается как ‘ядро клятвы’ (**the core of an oath**): *Клянусь Аполлоном врачом, Асклеием, Гигиеей и Панахеей и всеми богами и богинями; Принимая высокое звание Российского Учителя, перед Богом, людьми и совестью клянусь; I swear by Apollo Physician, by Asclepius, by Health, by Heal-all, and by all the gods and goddesses; I swear by Apollo Physician and Asclepius and Hygieia and Panacea and all the gods and goddesses; I swear by Apollo the healer, by Aesculapius, by Health and all the powers of healing.*

Здесь уместно упомянуть о значимости различий конситуации произнесения клятвы и конситуации клятвы в более широком контексте [1; 3; 4; 5]. Первая имеет место в течение времени, когда произносится текст клятвы, вторая – предполагает учёт действий, выполнение которых предусмотрено клятвой. В случае невыполнения последних, давший клятву становится клятвоступником, а коагенс получает право на наказание. Клятвоступник имеет право обратиться с мольбой о прощении к третьей, но не второй стороне.

Произнесению клятвы предшествует период подготовки: адресант име-

ет опыт и готов к переходу на новый этап жизни, вступлению в должность / организацию: он прошёл обучение в университете (врач, учитель, судья), состоялись мероприятия, где адресант получил одобрение лиц, которые во время произнесения клятвы выполняют роль адресатов (пионер, президент, спортсмен, судья).

При рассмотрении в цепочке «подготовка к клятве → клятва → выполнение клятвы» других очевидно, что роли действующих лиц и участников событий на разных этапах изменяются.

Подготовка к клятве (I этап) включает действия двух категорий лиц: *агентов*, одобряющих готовность пациента к клятве, и *пациенса*, на которого направлены действия агентов. Во время произнесения клятвы (II этап) роли участников меняются: агентом становится пациент I этапа, при этом агенты, утрачивая свою активную роль, всё же сохраняют значимость, выступая в качестве верификаторов происходящего события. Клятва утрачивает свою значимость, если её принятие осуществляется без свидетелей (коагентов). На III этапе коагенты вновь становятся агентами, оценивая деятельность давшего клятву.

Коагентами (адресатами) в клятвах являются представители народа, власти (*женщины / women, мужчины / men, сыновья / sons, коллеги / colleagues, пациенты / the sick, учителя / teachers, товарищи, ученики / pupils, students, участники / competitors*), разделяющие пресуппозицию адресанта о значимости происходящего. К ним относятся две основные категории личностей: произносившие клятву ранее и те, кто разделяет аксиологические установки адресантов. Реципиент клятвы как

конвенционального промиссивного акта, как правило, шире спектра присутствующих на церемонии адресатов: все граждане страны (*присягаю... своей Родине (Воинская присяга, 1993)*), товарищи (*«Перед лицом своих товарищей торжественно клянусь...» (Клятва пионера Советского Союза, 1986)*); в качестве коагентов клятвы привлекаются Бог (*перед Богом... клянусь (Клятва учителя, 2006)*) и боги (*Клянусь Аполлоном врачом, Асклеием, Гигиеей и Панакеей и всеми богами и богинями*), используются абстрактные понятия, например, честь и совесть (*перед... совестью клянусь (Клятва учителя, 2006)*); *On my honor (Scout oath, 1908)*; *In the name of all the competitors (Olympic Oath (part 1 – sportsman), 2000)*; *In the name of all the judges and officials (Olympic Oath (part 2 – judge), 2000)*).

В институализированных ритуальных речевых актах (*присяга, исполнении письменного обязательства, fulfilling a covenant*) клятва признаётся успешной только при наличии у адресанта и адресата специальных полномочий. Очевидно, что в реальной ситуации имеют место как несимметричные отношения адресанта и адресата (*президент – народ, военнообязанный – военачальники*), когда обязательным компонентом коммуникативной ситуации является должностное лицо, позиционно занимающее приоритетную позицию по отношению к другому коммуниканту, так и симметричные отношения (*пионер / scout-товарищи / friends*), возникающие у лиц, находящихся на одной ступени иерархической лестницы. В обоих случаях двуплоскостность отношений адресанта и адресата актуализируется на основе трёх аспектов типичной конситуации

клятвы как конвенционального акта. Во-первых, имеет место некоторая степень знакомства адресата и адресанта (невозможно обещать и клясться незнакомым людям): *вступающий в должность врача – врачи; вступающий в должность президента – официальные лица; спортсмен – спортсмены, тренеры и др.* Для пионеров адресатом являются его старшие товарищи: *«Перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...»* (Клятва пионера Советского Союза, 1986). Во-вторых, адресант берёт на себя определённые обязательства перед адресатом по выполнению определённого действия (действий). Данные обязательства накладывают на адресанта меру ответственности: в случае невыполнения обещания адресат полномочен принимать соответствующие меры – наказывать, стыдить, осуждать, предавать огласке неблагоприятный поступок (нарушение слова) говорящего и т.п.: *«Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена; преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому»* (Клятва Гиппократова, 1936); *“Now if I keep this oath and break it not, may I enjoy honour, in my life and art, among all men for all time; but if I transgress and forswear myself, may the opposite befall me”* (Hippocratic Oath, 1924); *“If I fulfil this oath and do not violate it, may it be granted to me to enjoy life and art, being honored with fame among all men for all time to come; if I transgress it and swear falsely, may the opposite of all this be my lot”* (Hippocratic Oath, 1943). Это право обусловлено не юридическими законами, а социальными – этикой. И, наконец, в-третьих, в случае невыполнения

обещания адресант лишается доверия адресата: *«Что бы при лечении — а также и без лечения — я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной»* (Клятва Гиппократова, 1936); *“Whatsoever in the course of practice I see or hear (or even outside my practice in social intercourse) that ought never be published abroad, I will not divulge, but consider such things to be holy secrets”* (Hippocratic Oath, 1924); *“What I may see or hear in the course of the treatment or even outside of the treatment in regard to the life of men, which on no account one must spread abroad, I will keep to myself, holding such things shameful to be spoken about”* (Hippocratic Oath, 1943).

Произнесение клятвы всегда осуществляется в торжественной обстановке, предполагающей особую одежду: деловую (врачи, учителя, президент) или форму (для пионера – белая рубашка, чёрные брюки / юбка, для скаута – шорты и рубашка цвета хаки, для военного – униформа той части, в которой он служит, для спортсмена и судьи на Олимпийских играх – форма страны, которую они представляют). Дополнительными атрибутами для создания торжественности момента выступают государственные символы: знамя, текст Конституции, Библия (для президента США), текст Законов пионеров Советского Союза, Моральный кодекс скаутов, текст произносимой клятвы. Торжественность момента особенно высока в минуты, когда звучит гимн страны, завершающий церемонию вступления в организацию.

Прагмалингвистический анализ речевого жанра «клятва» включает также рассмотрение композиции текстов.

Композиция русских и английских клятв изоморфна и включает три части: вступление (фраза-зачин), главную часть и заключение. В составе клятв – от одного (*Клятва пионера Советского Союза*, 1986; *Клятва учителя*, 2005; *Присяга президента РФ*, 1993; *Присяга адвоката*, 2002; *Olympic Oath*, 2000; *The Enlistment oath*, 1962; *The oath of office of the president of the USA*, 1787; *The Lawyer's oath*, 1986) до девяти абзацев (*Hippocratic oath*, 1950; *The PSU Teacher's oath*, 2010), длина которых варьируется в пределах от 11 до 495 слов.

Вступление (фраза-зачин) зафиксирована во всех изученных клятвах: *клянусь / торжественно клянусь / торжественно присягаю / I swear / keep the oath / on my honor I will do my best / I do solemnly swear*; главная часть – во всех клятвах, и заключение – в 19 из 23 изученных текстов.

Апелляция к настоящему в зачине клятвы (начале вступления) осуществляется через перформатив, содержащий глагол в 1-м лице единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога (*клянусь, обещаю, присягаю, I swear, I promise, I do swear*), личные формы глагола в сочетании с субстантивными / местоименными сочетаниями, выполняющими функции дополнения (*I call to witness, I take to witness*), верификативные деепричастные обороты в русском языке (*беря их в свидетели, вступая в ряды Всесоюзной Пионерской Организации, получая диплом и высокое звание Российского Учителя, принимая высокое звание Российского Учителя*) или неличные формы глаголов в английском языке (*making them witnesses, making them my witnesses*).

Данные иллюстрации подтверждают факт совершающегося действия –

вступление в должность только при наличии социальных конвенций и нормативных условий (*свидетели, witness(es), Всесоюзная Пионерская Организация, диплом, звание*). В клятве учителя (*The PSU Teacher's oath*, 2010) перформативом, апеллирующим к настоящему, является сочетание *I walk* (N+V, букв. «я иду», «я следую») в первом предложении главной части текста клятвы: *I will respect the hard-won gains of those educators in whose steps I walk, and gladly share such knowledge as is mine with those who are to follow*. Сочетание *I walk* выражает процесс активного взаимодействия адресанта с адресатами (*educators, those who are to follow*): проявление уважения, учёт достижений педагога, передача знаний.

Главная часть во всех клятвах апеллирует к будущему. Однако в клятве юриста (*The Lawyer's oath*, 1986) в последней составляющей главной части выявлен перформатив *I impose upon myself these voluntary obligations* (букв. «я налагаю на себя эти добровольные обязательства»). Данный перформатив замыкает главную часть клятвы, образуя фрейм (начинается перформативом настоящего времени *I do swear* и заканчивается перформативом *I impose*), в котором прослеживается двунаправленность отношений адресанта и адресата (наличие обязательств / *obligations* адресанта перед адресатом).

Апелляции к прошлому не прослеживаются в текстах русских и английских клятв, так как они являются профессиональными текстотипами, включающими несколько речевых актов и имеющими определённую жанровую композицию.

Таким образом, клятва как перформативный тип речевого жанра

реализуется в профессиональных текстах-промиссиях и произносится публично при изменении профессионального статуса лица. Прагмалингвистический изоморфизм изученных русскоязычных и англоязычных профессиональных клятв характеризуется присутствием агенсов и коагенсов, этапностью подготовки и произнесения клятвы, наличием хронотопа (торжественной обстановки, предпо-

лагающей особый стиль одежды и государственные символы) и композиции текстов (вступление, главная часть и заключение). Общая пресуппозиция участников (агенсов и коагенсов) индуцирует общие семантические смыслы конситуации клятвы: воодушевлённость, торжественность, официальность, значимость происходящего и облигаторность клятвы для общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Карабыков А.В. Речевой жанр клятвы в истории культуры // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: материалы междунар. науч. конф. Ч. 3. Кемерово, 2006. С. 226–231.
2. Почепцов Г.Г. О коммуникативной типологии адресата // Речевые акты в лингвистике и методике. Пятигорск, 1986. С. 10–17.
3. Сиразиева З.Н. Структурно-языковой анализ типов атрибутивных и объектных словосочетаний в русских и английских клятвах // Филология и культура. Philology and culture. 2012. №1 (27). С. 76–79.
4. Федорова Н.И. Прагматический аспект русского народного заговора от недуга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. №4. С. 40–45.
5. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.
6. Adler, Andrew N. Can Formalism Convey Justice? – Oaths, “Deeds”, & Other Legal Speech Acts in Four English Renaissance Plays, St. John’s Law Review: Vol. 72: Iss. 2, Article. [Электронный ресурс]. URL: <http://scholarship.law.stjohns.edu/lawreview/vol72/iss2/1> (дата обращения: 20.09.2015).
7. Habib, Allen N. The Authority Theory of Promises. PhD thesis, University of Arizona, 2006. 225 p.

REFERENCES

1. Karabykov A.V. Rechevoi zhanr klyatvy v istorii kul'tury [Speech genre of the oath in the history of culture] *Izmenyayushchayasya Rossiya: novye paradigmy i novye resheniya v lingvistike: materialy mezhdunar. nauch. konf. CH. 3* [Changing Russia: new paradigms and new solutions in linguistics: proceedings of the international. scientific. conf. Part 3]. Kemerovo, 2006. pp. 226–231.
2. Pocheptsov G.G. O kommunikativnoi tipologii adresata [On the communicative typology of the addressee] // *Rechevye акты v lingvistike i metodike* [Speech acts in linguistics and methodology]. Pyatigorsk, 1986. pp. 10–17.
3. Sirazieva Z.N. Strukturno-yazykovoii analiz tipov atributivnykh i ob"ektnykh slovosochetanii v russkikh i angliiskikh klyatvakh [Structural-linguistic analysis of attribute types and object phrases in Russian and English oaths] // *Filologiya i kul'tura*. [Philology and culture]. 2012. no. 1 (27). pp. 76–79.
4. Fedorova N.I. Pragmaticheskii aspekt russkogo narodnogo zagovora ot neduga [Pragmatic aspect of Russian folk spell against illness] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo*

- oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2014. no. 4. pp. 40–45.
5. Fedosyuk M.YU. Nereshennye voprosy teorii rechevykh zhanrov [Unsolved problems in the theory of speech genres] // *Voprosy yazykoznaniiya*. 1997. no. 5. pp. 102–120.
 6. Adler, Andrew N. Can Formalism Convey Justice? – Oaths, “Deeds”, & Other Legal Speech Acts in Four English Renaissance Plays, *St. John’s Law Review*: Vol. 72: Iss. 2, Article. [Electronic resource]. URL: <http://scholarship.law.stjohns.edu/lawreview/vol72/iss2/1> (request date: 20.09.2015).
 7. Habib, Allen N. *The Authority Theory of Promises*. PhD thesis, University of Arizona, 2006. 225 p
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сиразиева Зарина Наилевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Казанского кооперативного института (филиал) Российского университета кооперации;
e-mail: nygnoe@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sirazieva Zarina – candidate of philological sciences, associate professor at Humanities and Foreign Languages department of Kazan Cooperative Institute, branch of Russian University of Cooperation;
e-mail: nygnoe@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Сиразиева З.Н. Прагмалингвистический анализ речевого жанра «клятва» в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2016. № 1. С. 156–162. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-1-156-162

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Z. Sirazieva. Pragmalinguistic analysis of the speech genre “oath” in russian and english linguocultures // *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*. 2016. no 1. pp. 156–162. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-1-156-162